

УДК 101.1

МАССОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ МИФОЛОГИИ?¹

А.А. Линченко*, Д.А. Аникин**

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Липецк

**ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

Статья посвящена выявлению роли и значения социальной мифологии в современной политике памяти. В контексте оценки состояния массового исторического сознания в России анализируется вопрос возможностей использования элементов социальной мифологии для формирования государственной политики памяти. Обосновывается мысль о том, что политика памяти становится связующим звеном между общественными ожиданиями и реальной конфигурацией политического пространства. Делается вывод о важной роли социальной мифологии в рамках формирования и трансляции исторических смыслов в массовом сознании. Конструктивное значение практик мифологизации прошлого видится только в рамках соотношения с формами рациональной рефлексии по поводу прошлого, определенной иерархии мифологем, в контексте приоритета идеи гуманности.

Ключевые слова: *массовое историческое сознание, социальная мифология, историческая идентичность, исторический опыт, социальная память, коммеморативные практики.*

Усилия государственной власти по консолидации общества в России в последние годы актуализируют поиски новых образов национальной идентичности, в которой историческая память продолжает оставаться одним из важнейших ресурсов. Нарастание международной напряженности оборачивается усилением прежде всего мемориальных войн, публичными высказываниями политиков относительно острых моментов прошлого, использованием крупных исторических праздников как средства поиска идеологического и политического консенсуса или размежевания. Это становится особенно заметно на фоне празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. В данной ситуации речь должна идти о формировании новой государственной политики памяти или ее элементов, что требует, в свою очередь, общей ха-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-3670.2015.6) «Конструктивные и деструктивные практики мифологизации массового исторического сознания в современном мире».

рактеристики и выявления основополагающих механизмов трансформации массового исторического сознания россиян. Какой в этой связи должна быть государственная политика памяти? Как и насколько в ней могут быть использованы элементы социальной мифологии для перформативного паттернов коллективной памяти? Сразу отметим, что вопросы, поставленные в качестве целей исследования в данной статье, представляются достаточно сложными и требуют комплексных усилий большого количества исследователей. Постараемся наметить лишь общие контуры понимания данных проблем.

Общепринятым сегодня является мнение о том, что в изучении способов обращения к прошлому оказываются неприменимыми однозначные трактовки, которые либо ставят знак равенства между самим прошлым и современными способами его репрезентации (субстанциальный подход), либо акцентируют внимание на принципиальной невозможности отображения прошлого и политических коннотациях мемориальных практик (конструктивистский подход). Более взвешенной представляется позиция А. Ассман, согласно которой необходимо говорить о сложных переплетающихся процессах отношения к прошлому, где политическая конфигурация воспоминаний представляет собой лишь определенный «формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей мы-идентичностью» [1, с. 33]. В этом смысле культурная память предстает своеобразным «айсбергом», в котором государственная политика памяти выступает лишь относительно небольшой, хотя и значимой, надстройкой, увенчивающей противоречивые процессы сохранения прошлого, протекающие в различных социальных группах и с использованием разнообразных символических средств.

Использование понятий «массовое историческое сознание», «историческая память», «политика памяти» требует известных уточнений, связанных с частым их отождествлением или противопоставлением. Историческое сознание может быть понято как определенная сторона социального бытия, воспроизводящая его непрерывное движение во времени, способ самоосмысления исторического бытия (онтологический аспект), совокупность различных типов и форм знаний о прошлом, воспроизводящих историческое бытие в виде определенной картины исторической реальности (гносеологический аспект), форма духовной культуры общества и рефлексивный план исторической культуры общества, совокупность оценок и интерпретаций в отношении прошлого, служащих средством обретения идентичности в настоящем и ориентаций на будущее в потоке универсальной историчности человека (аксиологический аспект), предмет, условие, момент и результат преемственности человеческой деятельности, все многообразие форм исторического опыта (праксиологический аспект), передаваемого из поколения в поколение в процессе соотношения традиционного и нового (антропологический аспект). По мнению Л.П. Репиной историческая память рассматривается как одно из измерений индивидуальной и

коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого. «Историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [2, с. 133]. Совершенно очевидно, что социальная память и историческое сознание – это динамичные системы, представляющие собой не только непосредственные знания о прошлом, но и постоянные процессы их реконфигурации, зависящие от контекста социальной среды и деятельности, полей и средств передачи памяти. Социальная память как совокупность коммеморативных практик может лежать и за пределами рациональной рефлексии. Это относится и к процессам реконфигурации коммемораций в социальной памяти. Однако также было бы ошибкой однозначно разводить социальную память и историческое сознание по линии «рациональное–иррациональное», поскольку в вышеперечисленных социальных явлениях присутствуют в разной мере как и рациональное, так и иррациональное. Историческое сознание всегда оказывается определенной стороной социальной памяти, постоянно находящейся на перекрестке прошлого и настоящего, а также поиска ориентиров будущего. Выступая внутренним рефлексивным планом исторической культуры, оно постоянно присутствует в самих реконфигурациях памяти, существуя в форме момента схватывания определенного участка исторического опыта как опыта памяти. Сама «политика памяти» «представляется в рамках научного дискурса более адекватным термином для описания совокупности действий, предпринимаемых государством или общественными организациями для формирования коллективной идентичности на основании преодоления конфликтных моментов прошлого и подчеркивания тех событий и фактов, которые способны обеспечить консолидацию большей части общества» [3, с. 36]. Заметим также, что именно в историческом сознании происходит определенная встреча культуры исторической памяти населения, не укладывающейся в рамки официальных исторических смыслов, и собственно политики памяти. Специфика же их синтеза всегда есть результат той социально-политической среды, социально-культурной атмосферы, которая имеет место в том или ином обществе.

Говоря о массовом историческом сознании современных россиян, нельзя не отметить, что оно оказывается зависимым от определенных ценностей настоящего. Многолетние опросы ВЦИОМ [4, с. 161] дают основания исследователям утверждать о существенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, что находит выражение в таких явлениях, как усилившемся в последние десять лет общественном запросе на сильную власть, ориентация населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) [5, с. 31; 21, с. 38], более острое восприятия противоречий между богатыми и бедными, чем противоречий между поколениями, общественный запрос на активную внешнюю политику, опре-

деленный «православный ренессанс». Вместе с тем заслуживают особого внимания два вывода, представленных на основе массовых опросов: во-первых, «несмотря на явные ценностные перемены, наше общество остается похоже на общество 90-х в главном: оно глубоко антимобилизационно... оказалось, что мобилизационная компонента россиян направлена практически исключительно на сферу локальных интересов» [4, с. 179], и, во-вторых, «православие становится культурно-историческим символом национальной идентичности, а не реальной верой. Такая религиозность по своей природе не требует ни веры в догматы православия, ни молитвы, ни участия в богослужении, ни соблюдения определенных моральных норм» [6, с. 45]. Приведем еще одну цитату, характеризующую российское общество: «...на ценностном уровне общество готово стать нацией, однако отсутствие соответствующих институтов и сверхстимулов сохраняет российский социум на уровне "протонации"» [4, с. 183]. Все это ставит вопрос в том числе и о роли и значении социальной мифологии или ее элементов в структуре массового исторического сознания.

Социологические опросы, проводившиеся в нашей стране с 1989 по 2010 гг., показывают средний уровень исторических знаний населения [7–9]. Более того, базовые исторические знания в основном представлены политической и военной историей, что связано с сохранением важного значения учебников истории как источников знания [8, с. 14]. Далее следовали кино, телевидение и только около трети опрошенных отмечали рассказы старших. Вместе с тем средний уровень исторических знаний россиян не является препятствием к высокой оценке роли и значения прошлого и необходимости его познания.

Исторические интересы современных россиян, как и советских граждан в конце 80-х гг., во многом направлены на эпохи Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Великой Отечественной войны. Другим значимым интересом россиян продолжает оставаться семейное прошлое, причем данная тенденция практически также не изменяется с поздних советских времен. Практически все крупные социологические исследования фиксируют определенную гомогенность исторической памяти и единство в оценках прошлого разными поколениями россиян. Ключевым историческим событием, выступающим мощнейшим и наиболее положительным символом идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Причем в массовом историческом сознании россиян ценность войны состоит в триумфе Победы и в меньшей степени – в горечи колоссальных потерь, трагической повседневности войны. Справедливы оценки исследователей, полагающих, что дискурс Великой Отечественной войны есть центральный элемент всей существующей культуры исторической памяти в России [10, с. 99]. На наш взгляд, именно Великая Отечественная война продолжает оставаться важным источником историче-

ского смыслообразования современных россиян, что имеет позитивное значение, но и несет известные риски, связанные с сакрализацией сталинской и брежневской версий войны, определенной подменой истории войны историей Победы, блокированием милитаризованными элементами памяти других символов и каналов исторического смыслообразования (например, символов Пушкина или православия).

В этой связи существенный интерес представляют философские основания государственной политики памяти, которую еще только предстоит создавать, а также вопрос о роли мифологизации в ней как инструмента реформатирования сложившихся в обществе паттернов исторического смыслообразования.

В рамках концепции «черного ящика» Д. Истона изучение политики памяти опирается на то, что политическая система, реагируя на воздействия внешней среды, преобразует стимулы (требования и поддержку) в решения и действия на «выходе». В качестве входных стимулов выступают стремления к распределению или перераспределению ценностей, например опирающиеся на советский исторический опыт требования социальной справедливости. В качестве другого типа входных импульсов рассматривается поддержка, т.е. готовность поддерживать политическую систему в случае ее соответствия ожиданиям общества (окружающей среды) [11, с. 14].

Политические решения – это новые нормы, они имеют форму законов, заявлений, регламентов, тогда как политические действия осуществляются в виде различных мер по регулированию и решению важных проблем общественной жизни. Посредством решений и действий политическая система воздействует на общественную жизнь и неким образом преобразует ее, добываясь более позитивных стимулов в дальнейшем в виде поддержки на «входе». Например, в 2000-е гг. стремление опереться на позитивную оценку советского опыта в широких слоях населения привело к политическим решениям, формирующим (или реконструирующим) способы отношения к прошлому, в рамках которых элементы советской политической системы получают оправдание или даже поощрение (дискуссия о Сталине как «эффективном менеджере»). В этом отличие от политической системы 90-х гг., опиравшейся на ожидания реформирования политических институтов в сторону демократизации и либерализации и акцентировавшей в этом контексте внимание на негативных сторонах советского прошлого.

Можно сказать, что общество проявляет к политической системе определенные ожидания, одним из способов удовлетворения которых в современном российском обществе становится формирование определенных образов прошлого, легитимирующих те или иные решения относительно современного состояния политической системы и перспектив ее развития в будущем. Суть «черного ящика» заключается в том, что не прослеживается прямая связь между транслируемыми различны-

ми слоями общества ожиданиями и теми образами прошлого, которые окажутся использованными политической системой. Например, возвращение образа Александра Невского на конкурсе «Имя России» в 2008 г. – как в качестве «защитника земли русской», так и в качестве фигуры православного правителя.

Другим способом рассмотрения политической системы выступает структурный подход. В политической системе выделяются следующие элементы (подсистемы):

1. Институциональная подсистема занимает ведущее положение среди других подсистем. Она включает в себя совокупность различных политических институтов и взаимоотношений между ними. Центральное место в ней принадлежит государству как центру средоточия политической власти. В современной России основным институтом, формирующим политику памяти, является государство, что не исключает разработку определенных образов прошлого политическими партиями, а также средствами массовой информации. Кроме того, институтами по производству конкретных образов прошлого являются музеи, архивы, научные и образовательные учреждения.

2. Нормативная подсистема включает правовые нормы, традиции, обычаи, нравственные принципы, регулирующие и определяющие политическую жизнь общества. Центральной категорией данной подсистемы являются нормы права, которые регламентируют функционирование политических и общественных институтов, а также деятельность обычных людей. Нормативный уровень политики памяти заключается в имеющихся правовых нормах, определяющих степень допустимой критики по отношению к тем историческим событиям и трактовкам, которые считаются основополагающими для политической системы (например, закон об отрицании Холокоста в Европе, дискуссии об уголовном наказании за отрицание роли СССР в победе над Германией – в России).

3. Функциональная подсистема характеризуется формами политической деятельности, способами осуществления власти, совокупностью реальных функций государственных и общественных институтов. Данная подсистема тесно связана с другой категорией политической науки – политическим режимом, определяющим характер реального функционирования политической системы.

Можно различать базовые и производные функции использования образов прошлого в политической системе. Базовые функции представляют аккумулятивный предшествующими поколениями исторический опыт и проявляются в реализации фундаментального уровня содержания политики памяти (традиций, обычаев, обрядов). К базовым функциям относится функция преемственности поколений, функция рефлексии современности, социально-идентификационная функция, функция сохранения жизненных сил культуры, идеологическая функция.

В производных функциях исторической памяти отражен приобретенный молодым поколением собственный социально-исторический опыт. Эти функции реализуются в развитии и сохранении элементов операционального уровня политики памяти (знаний, оценок, стереотипов поведения, ценностей, норм, символов). К производным функциям относится функция выбора жизненных стратегий, прогностическая функция, функция стереотипизации, политическая функция.

4. Коммуникативная подсистема включает все формы и способы политического взаимодействия, как внутри самой системы, так и между системой и средой. В рамках такой подсистемы можно рассматривать каналы трансляции политики памяти на общество – учебная литература, образовательные практики, научно-популярные передачи, художественные фильмы и ролики, плаката и «растяжки».

5. Культурно-идеологическая подсистема – это совокупность различных по своему содержанию политических идей, комплекс типичных для конкретного общества политических ориентаций, установок, ценностей и моделей политического поведения.

Политика памяти является важным элементом политической и исторической культуры, поскольку она обеспечивает легитимацию тех или иных решений, принимаемых политической системой, опираясь не на институциональное принуждение, а на использование ценностного потенциала общества. Она оказывается важным элементом политического взаимодействия и даже противостояния, кристаллизуя определенные общественные ожидания и выражая их в конкретных исторических образах, которые становятся символическими образцами. К. Дойч особенно подчеркивает, что использование представлений о прошлом позволяет лучше адаптировать политическую систему к общественным ожиданиям [там же, с. 16]. В этом смысле политика памяти становится связующим звеном между общественными ожиданиями («как должно быть») и реальной конфигурацией политического пространства.

Реалии массового исторического сознания в современной России явно свидетельствуют об увеличении роли социальной мифологии как одного из ресурсов государственной политики памяти в рамках ориентаций на использование ценностного потенциала общества. Вопрос, однако, в том, каковы условия включения социальной мифологии в современную государственную политику памяти? Каковы конструктивные и деструктивные формы подобного включения?

Достаточно распространенной точкой зрения является мысль о недопустимости однозначно негативной оценки роли и значения социальной мифологии в развитии современного общества. Более перспективный взгляд указывает на непреходящее значение мифологии, которая трансформируется вместе с самим обществом, выступая одной из важнейших основ картины мира в каждую эпоху. Наиболее содержательную характеристику указанного понимания мифа дал в свое время А.Ф. Лосев, показав,

что миф – «это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность» [12, с. 24], живое субъект-объектное взаимодействие в процессе соприкосновения сознания и действительности. Миф в обеих интерпретациях – это доформально-логическое мышление, которое, по мысли А.В. Гулыги, отличается слиянием реального и идеального (сакрального), бессознательным характером, синкретизмом и императивностью. Сама социальная мифология представляет собой форму общественного сознания, систему чувственно-наглядных образов и стереотипов поведения, воплощенных в мифах и мифологическом сознании. Мифологическое сознание сегодня трактуется как «специфическое отражение окружающего мира посредством объективированных в мифе мыслительных и знаковых форм... миф и мифологическое сознание являются взаимосвязанными, но не тождественными явлениями. Миф как нечто объективно существующее влияет на формирование мифологического сознания, но, вместе с тем, мифологическое сознание участвует в создании мифов» [13, с. 67–68]. Также важно помнить, что социальная мифология – это всегда поле соприкосновения процессов мифотворчества, исходящих от идеологии, и собственно встречной мифологизации тех или иных образов или явлений в массовом сознании. В социальных мифологиях современности причудливо переплетаются как рациональное, так и иррациональное. И вместе с тем необходимо понимать границы социальной мифологии. Несмотря на то что в современной литературе выделяются не только аксиологические, но и гносеологические функции социальной мифологии [там же, с. 126], достаточно справедливым является высказывание А.В. Гулыги о том, что «все реалии мифа – не познавательного, а поведенческого плана. В человеческом поступке действительно сливается идеальное и реальное, осуществляется взаимный их переход. Миф – не столько образ сознания, сколько образ действия. Хотя в мифе откладываются первые крупинки знания, в целом это не познавательная модель мира. Как форма знания сегодня миф абсолютно архаичен, как поведение к действию он не исчерпал свои возможности» [14, с. 203].

Вопрос о включении социальной мифологии в государственную политику памяти связан с вопросом о тех целях, которые данная политика памяти должна выполнять. Ключевая цель в этой связи – консолидация российского общества в условиях кризиса исторической идентичности и определенного отсутствия общепринятой национальной идеи. На наш взгляд, именно консолидация и определенная социокультурная адаптация к новым социальным условиям должны определять контекст использования ресурсов социальной мифологии сегодня.

Поведенческий план роли и значения социальной мифологии, о которой писал А.В. Гулыга, отсылает нас к сфере исторического смыслообразования, её нравственным и эстетическим аспектам. Очевидно, что целостность исторического сознания несводима только к познавательной компоненте и, более того, является зависимой от определенной

конструкции смысла истории [15, с. 8]. Продуктивной представляется деятельность мифологизации прошлого в качестве источника и среды формирования нравственного компонента исторического сознания ре-актуализации нравственных сторон тех или иных значимых исторических событий. Эта сфера деятельности процессов мифологизации прошлого, а также ее значение для формирования эстетического компонента исторического сознания, зачастую и являются основными источниками формирования «чувства истории» – одного из важнейших условий существования целостности исторического сознания, национально-исторической идентичности и таких функционалов исторической памяти, как «места памяти», коммеморации, традиции. Следует согласиться с мнением М.Ф. Румянцевой, которая полагает, что «“места памяти” обеспечивают некоторую устойчивость/преемственность исторического знания, что особенно важно при конструировании социальной памяти... стоит ли разоблачать “места памяти” в массовом сознании? Если и стоит, то с большой осторожностью... “Разумность” некоторых “мест памяти” в массовом сознании явно обусловлена включенностью их в мифологизированный контекст. Пока профессиональный историк не может четко сформулировать методы экспликации контекста и предложить массовому сознанию целостное историческое знание, не стоит разрушать уже сложившуюся целостность, тем более, если она обладает определенной общностью для данного социума» [16, с. 116–117].

Правда, в ответ на эти рассуждения можно было бы задать вопрос о том, какие исторические смыслы конструктивны, а какие нет? Более того, основная проблема использования социальной мифологии как ресурса государственной политики памяти состоит в том, что, по сути, конструктивные элементы в данном случае оказываются практически неотделимы от деструктивных. Мифологизируя один образ прошлого и конструируя на его основе определенный смысл истории, мы неизбежно закрываем или искажаем другой.

Вместе с тем некоторое смягчение постановки вопроса возможно, если мы будем рассматривать использование социальной мифологии, во-первых, в контексте прежде всего рациональной рефлексии по поводу прошлого, во-вторых, в контексте определенной иерархии различных мифологем (как разных образов истории) и, в-третьих, в контексте приоритета идеи гуманности. В этой связи интересны мысли Йорна Рюзена относительно поиска подобных ценностей в исторической науке: «...в рамках разнообразия исторических перспектив единство истории может быть достигнуто лишь универсальностью ценностей... нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур. Я считаю, что существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является как универсальной, так и обосновывающей разнонаправлен-

ность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре... в котором гуманность останется проблемой последовательности истории» [17, с. 25].

Однако проект «повторной травматизации» уже упоминавшегося Й. Рюзена как проект построения нового исторического нарратива, в котором «повествование должно лишиться своей закрытости, своего глянца, покрывающего цепь событий... прерывистость, разрушение связей, крушение должны стать сущностью смысла в такой порождающей смысл идее хода времени» [18, с. 61–62], не представляется столь уж очевидным и «исцеляющим». Очевидно, что мифологизация прошлого лишь тогда будет выступать эффективным элементом формирования исторического сознания, когда она будет сотрудничать с другими репрезентациями прошлого и ре-актуализаций памяти. Не разрушать и разрывать историческую память, а медленно перестраивать мифологизированные образы прошлого, сохраняя целостность исторической памяти и исторического сознания [19, с. 9]. Условиями такой целостности выступают и проект исторического сознания как «публичного процесса передачи традиций» Ю. Хабермаса, и проект многоуровневой коммеморации М.Ф. Румянцевой. Заметим, что философским символом подобного процесса является понятие «мудрости». В этой связи в определенной степени созвучными представляются размышления известного отечественного философа А.В. Гулыги, анализировавшего значение мудрости как основания включения мифомышления в современные эстетику и искусство: «Именно в мудрости осуществляется единство теории и практики, синтез всех духовных потенций, всех форм мысли, совпадение истины, добра и красоты мудрость не отвергает миф, она чтит его в той мере, в какой он причастен поэзии и нравственности... миф не сам по себе, а взятый в составе мудрости, в сотрудничестве с другими формами мысли; таковы условия включения мифомышления в современную культуру» [14, с. 215].

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–170.
3. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постсоветском пространстве // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 32–38.
4. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007. 224 с.

5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С.5–36.
6. Филатов С.Б. Сакрализация авторитаризма // Дружба народов. 2003. № 3. С. 40–53.
7. Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. Историческое сознание опыт: социологического исследования // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 118–129.
8. Историческая память в массовом сознании российского общества (результаты социологического мониторинга) // Социология власти: Вестн. Социологического центра РАГС. 2003. № 2. М., 2003. С. 35–44.
9. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4–15.
10. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 83–104.
11. Андреев С. Политические системы и политическая организация общества // Социально-политические науки. 1992. № 1. С. 23–34.
12. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525с.
13. Иванов А.Г. Социально-философский анализ архаического и современного мифологического сознания. Воронеж: ВГПУ, 2010. 179 с.
14. Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000. 447с.
15. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192с.
16. Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. 2007. № 21. С. 106–118.
17. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С.8–27.
18. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–63.
19. Будюкин Д.А. Трансформация образа Ричарда III в современном массовом историческом сознании // Общество. Гендер. История сборник статей и тезисов докладов VIII

международной научной конференции. Липецк: Издательство Общество с ограниченной ответственностью «Гравис». 2015. С. 8–10.

20. Линченко А.А., Батищев Р.А. Образ И.В. Сталина в историческом сознании липецкой молодежи // Липецкая область в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов обл. науч.-практ. конф. (Липецк, 25 апреля 2013 г.) Липецк: ЛГТУ, 2013. с. 30–39.

MASS HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND THE STATE POLICY OF MEMORY IN RUSSIA: THE RELEVANCE OF MYTHOLOGY?

A.A. Linchenko, D.A. Anikin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Saratov State University

The article is aimed at the study of the role and importance of social mythology in the contemporary politics of memory. It is focused on the possibilities of using the elements of social mythology for the formation of the state policy of memory in the context of evaluation the state of mass historical consciousness in Russia. In this perspective, the idea that the politics of memory becomes a link between the public expectations and the actual configuration of political space is analyzed. It should permit to reveal the important role of social mythology in the formation and transmission of historical meanings in the mass consciousness milieu. The constructive role of mythologizing practices could be realized only in their cooperation with the forms of rational reflection of the past thus permitting a certain hierarchy of mythologems to be guided by the idea of humanity.

Keywords: *mass historical consciousness, social mythology, historical identity, historical experience, social memory, commemorative practices.*

Об авторах:

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецк. E-mail: linchenko1@mail.ru.

АНИКИН Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов. E-mail dandee@list.ru.

Authors information:

LINCHENKO Andrey Aleksandrovich – Ph.D., Assoc. professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: linchenko1@mail.ru.

ANIKIN Daniil Aleksandrovich – Ph.D., Assoc. professor, Saratov State University, Saratov. E-mail: dandee@listl.ru.